

ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ ЗАИМСТВОВАНИЙ В СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЕ

Якубова Мунаввар Исмаиловна

*Преподаватель кафедры русского языка и литературы Самаркандского
государственного педагогического института*

Каримова Нилуфар

*Студентка 3 курса Самаркандского государственного педагогического
института*

Аннотация. Данная работа посвящена исследованию механизмов адаптации и функционирования лексических заимствований в рамках словообразовательной системы современного русского языка. Анализирует не просто факт интеграции иностранных слов, но их способность становиться производящими основами для создания новых дериватов. В статье рассматриваются процессы морфемной субституции, расширения словообразовательных гнезд и влияние глобализации на динамику языковых изменений. Особое внимание уделяется тому, как заимствованная единица «прорастает» в ткань языка, подчиняясь его внутренним законам и одновременно трансформируя их.

Ключевые слова: лингвистическая адаптация, словообразовательная модель, деривационный потенциал, неологообразование, морфологическая интеграция, иноязычная лексема.

Abstract. This paper investigates the mechanisms of adaptation and functioning of lexical borrowings within the word-formation system of the modern Russian language. The author analyzes not merely the fact of foreign word integration, but their capacity to become generating stems for creating new derivatives. The article examines processes of morphemic substitution, expansion of

word-forming families, and the impact of globalization on the dynamics of linguistic change. Special attention is paid to how a borrowed unit «grows» into the fabric of the language, obeying its internal laws and simultaneously transforming them.

Keywords: linguistic adaptation, word-formation model, derivational potential, neologization, morphological integration, foreign-language lexeme.

Функционирование заимствований в словообразовательной системе Язык — это живой организм, который не только потребляет внешние ресурсы, но и переваривает их, превращая чужеродные элементы в строительный материал для собственного развития. Когда в систему входит новое слово, оно проходит путь от «гостя» до «полноправного гражданина». Этот процесс напоминает биологическую ассимиляцию: чтобы выжить, иноязычное слово должно обрести связи, типичными для принимающей среды. Основным индикатором того, что заимствование окончательно прижилось, является его включение в словообразовательные процессы. Если слово начинает порождать глаголы, прилагательные или уменьшительно-ласкательные формы, значит, оно преодолело барьер чужеродности. Критический взгляд на этот процесс часто разделяется на два лагеря. Одни исследователи, подобно тем, чьи мысли транслирует Максим Кронгауз, выражают обеспокоенность «порчей» языка, видя в избыточных заимствованиях угрозу самобытности. Однако, если пересказать идеи его трудов более аналитично, становится ясно: язык не захламляется, он оптимизирует усилия. Заимствование часто заполняет лакуну — пустое пространство, где родное слово либо слишком громоздко, либо не обладает нужной точностью нюанса¹. Заимствование — это не пассивная передача звуков, а активная переработка. Согласно его концепции, слово проходит стадии фонетической, морфологической и, наконец, семантической адаптации.

¹ Кронгауз М. А. Русский язык на грани нервного срыва. — М.: АСТ, 2017. — С. 82.

Словообразовательная система реагирует на «пришельца» мгновенно. Возьмем для примера технологические термины. Слово «хайп» (hype) изначально существовало как узкая лексема, но в русском языке оно мгновенно обросло дериватами: хайпануть, хайповый, захайпленный. Здесь мы видим классическую работу русской суффиксации и префиксации на базе иностранного корня. Корень остается английским, но «душа» слова — его грамматическая обертка — становится исконно русской. Это демонстрирует поразительную гибкость словообразовательных моделей, которые, как станки на заводе, штампуют новые формы из любого поданного материала. Интересно наблюдать за тем, как заимствования влияют на продуктивность определенных моделей. Иногда приток иностранных слов «реанимирует» подзабытые суффиксы или придает новый импульс существующим. Это похоже на то, как в архитектуре использование новых материалов заставляет строителей вспомнить старые методы крепления, адаптируя их под современные нужды. Словообразовательное гнездо заимствованного слова может разрастаться до невероятных масштабов за короткий срок, что свидетельствует о высокой деривационной потенции современной языковой среды. Мы наблюдаем не просто заимствование слов, а заимствование концептов, которые требуют немедленного вербального развертывания в разных частях речи.

Процесс вращивания иноязычного слова в морфологическую почву принимающего языка можно сравнить с архитектурным расширением старинного здания при помощи современных модулей. Как только заимствование (например, лексема «тренд» или «брендинг») пересекает границу лексической системы, оно попадает под жесткий пресс словообразовательных парадигм. В этот момент происходит чудо лингвистической алхимии: существительное, лишенное в языке-источнике развитой системы окончаний, внезапно обретает способность склоняться, а

затем и порождать целые созвездия родственных слов. Анализируя идеи, изложенные в трудах Н. С. Валгиной, можно прийти к выводу, что современная языковая ситуация характеризуется «словообразовательной агрессией». Если раньше заимствование могло десятилетиями оставаться изолированным островом в океане лексики, то сегодня оно обязано «работать». Продуктивность моделей, использующих суффиксы -ирова-, -изирова-, -ова- для глаголов или -н-, -ск- для прилагательных, достигла своего пика. Например, английское «post» в русском цифровом пространстве не просто сохранилось как существительное, но мгновенно породило глагольную цепочку: постить — репостить — запостить — отпостить². Это не просто механическое добавление аффиксов; это подчинение чужого корня русской видовой системе (совершенный/несовершенный вид), что является высшей формой грамматической адаптации.

Критический разбор подходов Д. Н. Шмелева позволяет заметить важную деталь: заимствование часто выступает как «сгусток смысла», который экономит речевые усилия. Вместо длинного описательного оборота «заниматься продвижением образа компании в общественном сознании» мы используем лаконичное «брендировать». Здесь словообразование выступает инструментом интеллектуальной экономии. Однако за этой экономией скрывается сложная внутренняя работа языка. Морфема — это не просто кусочек слова, это носитель культурного кода. Когда русский суффикс -щик- присоединяется к английскому корню «пиар» (пиарщик), происходит гибридизация смыслов: западная технология обретает российское лицо, зачастую с легким оттенком иронии или профессиональной приземленности, характерной для данного суффикса³.

² Валгина Н. С. Активные процессы в современном русском языке. — М.: Логос, 2003. — С. 114–115.

³ Шмелев Д. Н. Современный русский язык. Лексика. — М.: Просвещение, 1977. — С. 231.

Особое внимание стоит уделить «словообразовательному тупику» и «словообразовательному взрыву». Некоторые заимствования, несмотря на свою частотность, остаются бесплодными (например, «жалюзи» или «метро»), в то время как другие становятся центрами мощнейших деривационных гнезд. Это зависит от того, насколько органично корень вписывается в фонетический облик русского языка и насколько актуально понятие, которое он обозначает. Сегодня эпицентром таких «взрывов» стала сфера IT и социальных коммуникаций. Слова-гибриды, такие как «гуглить» или «лайкать», демонстрируют, что словообразовательная система не просто принимает заимствования, она ими наслаждается, играя с ними и проверяя их на прочность. Мы имеем дело с формированием «глобального лексического фонда». Однако оригинальность русского пути заключается в том, что наше словообразование действует как фильтр. Оно отсеивает мертворожденные формы и оставляет те, что способны вступать в синтагматические связи. Процесс префиксации (добавления приставок) к иноязычным корням — это уникальная черта славянской группы. Приставки не-, без-, пере-, до- придают английским по происхождению словам такие смысловые оттенки, которые принципиально невозможны в языке-доноре. Так рождается новая реальность: слово по паспорту остается иностранцем, но по поведению и «характеру» становится абсолютно русским.

Функционирование заимствований в словообразовательной системе — это не признак деградации языка, а свидетельство его колоссальной витальности. Язык не боится чужого; он обладает мощными механизмами переработки, которые позволяют сохранять системную устойчивость при постоянном обновлении строительного материала. Заимствования активизируют дремлющие модели, создают новые деривационные цепочки и обеспечивают точность номинации в быстро меняющемся мире. Словообразование сегодня выступает в роли главного «паспортиста», который

выдает иноязычным лексемам разрешение на постоянное проживание. Пока русский язык способен производить от слов «чат» или «стрим» формы типа «чатланин» или «застримить», его внутренняя структура остается неизменной. Мы наблюдаем симбиоз, в котором внешнее влияние лишь подчеркивает гибкость и мощь исконных грамматических законов.

Список использованной литература:

1. Крысин Л. П. Толковый словарь иноязычных слов. — М.: Эксмо, 2008.
2. Кронгауз М. А. Русский язык на грани нервного срыва. — М.: АСТ, 2017.
3. Брейтер М. А. Англицизмы в русском языке: история и перспективы. — Владивосток: Диалог, 1997.
4. Виноградов В. В. Вопросы современного русского словообразования. — М.: Наука, 1975.
5. Шмелев Д. Н. Современный русский язык. Лексика. — М.: Просвещение, 1977.
6. Валгина Н. С. Активные процессы в современном русском языке. — М.: Логос, 2003.